

Татьяна Шевченко

БОГОВА ДЕЛЯНКА

Rideró

ЛИТЕРАТУРНА ПРЕМИЯ
«ЛОЦЕ»
ИМЕНА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ВОЗРОД

Татьяна Шевченко

Богова делянка. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55731286

ISBN 9785449889928

Аннотация

У Ивана Ожешко всё было нормально. Ну, почти. Он ходил в школу, работал на кладбище, подкармливал прилетающего голубя – ничего особенного. И его мама тоже работала, экскурсоводом на том же кладбище. А потом врачи сказали, что у неё рак, и всё пошло по кукареку. А тут ещё вокруг кладбища – на минутку, единственной достопримечательности городка! – стали шастать странные личности, желая то ли прибрать его к рукам, то ли просто сравнять с землёй. Но случится чудо и спасёт всех. Или нет?

Содержание

1	5
2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Богова деланка

Повесть

Татьяна Шевченко

© Татьяна Шевченко, 2020

ISBN 978-5-4498-8992-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

За окнами стояло глухое белое марево, в котором утоп привычный вид на городское кладбище. Я открыл окно и высунулся по пояс наружу. Вблизи туман выглядел совсем иначе: не чистый лист, а клоки смерти, вмешавшиеся во время и пространство. Я сделал вдох, и эти клоки устремились в лёгкие, заполняя их запахом болота.

Из-за приступки за окном показалась птичья голова. Голубь тянул шею и подслеповато тарачил на меня встревоженный глаз. Я сказал ему:

– Я тебя вижу, подлец.

Голубь с гуканьем расправил крылья, снялся с места и уселся на карниз по правую руку от меня. Белый, как символ мира.

– Ты б тут не рассиживался. Соседи жалуются, что ты всё обосрал.

Голубь на миг прикрыл глаза прозрачной плёнкой век.

– Олешек, кто это? – раздался за спиной мамин голос: она наконец проснулась. – Это Стёпка?

Мамка отгеснила меня и начала ворковать с голубем. Безмятежность утра была нарушена, а я вспомнил, что на плите вообще-то стоит яичница.

Конечно, немного подгорела, но так даже лучше.

Я положил нам в тарелки по порции, – два желтка в белом

мареве белка, – поставил на стол. Краем уха я слышал, как мама щебечет:

– Нет, Стёпа, и не проси. С восемьдесят пятой приходили, так такие крики тут были: голубятню развели! А я спрашиваю, чем вам не нравится моя голубятня, вот чем?..

Я снял с подставки две кружки. Моя была просто белая, зато большая, а мамина – в форме лютика.

– Мам, тебе как обычно? – спросил я, но она не услышала. Как раз в этот момент мама закашлялась, будто поперхнулась, а затем со вздохом произнесла:

– Последний раз, Стёпа!

Она направилась к холодильнику. Вытащила неоткрытую пачку вчерашнего хлеба и подковырнула обёртку нарощенными ногтями.

Пока мама крошила на карниз хлеб, а Стёпка ел, я достал пачку растворимого кофе, положил себе четыре ложки, ей – две и ещё две сахара. Залил кипятком и свой разбавил молоком.

– Мам, завтрак стынет.

– Сейчас. Он такой смешной!

Я не ответил. Мамка быстро разделила кусок, который держала в руке, на несколько маленьких, положила на подоконник, а сама села за стол. Я взвыл.

– Мам, руки после голубя! И положи ты этот хлеб на место!

– Не ори на мать, – строго произнесла она, но сделала,

о чём я просил. Затем села за стол, потянулась за вилкой и опять длинно прокашлялась. Умолкла и заискивающе посмотрела на меня. – Ваньк, а Ваньк...

– М?

– Не подменишь меня сегодня?

– Подменю.

Я опустил глаза в тарелку и продолжил вилкой ломать яичницу: у неё внутри скелетом сидел бекон, и отказывался сдаваться. Проще было просто подцепить его зубчиком и откусить, что я и сделал.

Мама с неохотой начала ломать свою.

– И ты даже не спросишь, почему? – разочарованно спросила она. Даже длинный светлый хвост, в который были собраны волосы, казалось, поник.

Я пожал плечами:

– Хахаль?

– Ага, – мама заулыбалась и торопливо прожевала свой бекон. – У меня смена с двух, понял? Так что успеешь и в школу, и на работу, и не вздумай прогуливать. Лучше возьми с собой еды побольше, а то от этих ваших столовских сосисок у тебя опять начнётся...

Я кашлянул.

– Я не закрыла окно! – всполошилась мама. – Тоже заболеешь! Холодно!

– Нет. Тебе, может, – я кивнул на её белую растянутую футболку и домашние треники. Посмотрел на висевшие над

столом часы.

Мама повторила мой жест, поднялась, коротко меня обняла, пробормотав «Спасибо за завтрак, сынок», и побежала одеваться. Её тарелку с остатками яичницы и забытый на столе хлеб я убрал в холодильник, а оставшуюся посуду помыл.

Потом быстро сменил домашние штаны и майку на джинсы-футболку-кроссовки, подхватил рюкзак и бегом спустился вниз.

Кладбище в это время ещё закрыто, поэтому я трусцой побежал в обход. Туман набивался в лёгкие и, чем ближе я продвигался к школе, редел. Словно я был драконом, который вбирает в себя мелкие капельки воды, чтобы согреть внутренним огнём и превратить в смертельно горячий пар. Ррршш!

За туманом стояло солнце, заставлявшее умытые улицы блестеть, как бы осыпанные блестяшками из передач со суперстарперами. Кладбище длилось вдоль дороги, на свету совсем лишившись всей таинственности, а яркие ленты и венки на крестах делали его почти праздничным. Конечно, мёртвые вечно отдыхают, не то что мы, живые. Радостно шумели старые деревья, перегибаясь через ограду, силясь надавать мне ветвями по голове, и прерывисто щёлкали утренние птицы. Я подпрыгнул, дал пятюню старому тополю и помчался дальше.

Я добежал до школы даже раньше положенного. В классе

обнаружил Пса Сутулого и пару девчонок. Мне сказали, что мужики уже на лысине, и я, бросив рюкзак, побежал вниз.

Когда я спускался с третьего этажа, то услышал, как наша биологичка вместе с завучихой цокают пятидесятисантиметровыми каблуками где-то внизу и обсуждают поведение какой-то «малолетней шлюхи» из седьмого класса. Пересекаться с ними не хотелось, и я сыграл в шпиона: достигнув второго этажа, нырнул в коридор и тихо побежал ко второй лестнице.

Маневр удался. С учителями я не встретился и вскоре оказался на лысине.

Лысина – это укромное место за школой. Вплотную к забору, ограждавшему территорию, подходили жилые дома, стыкуясь с ним глухой стеной. И школа тоже приближалась к этому забору тыльной стороной, где в основном коридорные окна, которые смотрят чуть в сторону. И потому не особо видно, чем тут занимаешься.

Конечно, здесь обычно собирались покурить старшеклассники. Когда-то, до того, как кому-то взбренило в голову поставить забор и многоэтажки, здесь была дорога, мини-садик, спортивная площадка. Теперь от садика осталась одна ива, удачно скрывавшая тех, кто на лысине, от посторонних глаз, а от спортивной площадки – гнутый турникет. Сквозь бетон понемногу прорастала трава, а в такую погоду, как сегодня, в ямках застаивалась вода.

Трое уже стояли, курили. Я прошёл по кругу, здороваясь

с каждым за руку. Джоджо, пижон, опять где-то надыбал сигареты для девок. Я сказал это вслух, и все заржали: видимо, не я первый так удачно сострил.

– Они вишнёвые, – буркнул Джоджо, нервно выпуская дым.

Закончив обход, я достал сигарету и начал искать в рюкзаке зажигалку.

Плакучая ива взревела, и на площадку выехал Дрон верхом на старинном двухколёсном тазике. Воздух завонял, лужи окрасились в цвета радуги. Мужики заорали на Дрона, чтобы валил и ставил свой тазик в другом месте. Дрон покивился для виду, но взлетел на мотоцикл и исчез.

Было что-то красивое в оставленных им на мокром тёмном асфальте дорожках. Они переливались, больше всего уходя в фиолетовый, почти в цвет сирени под окном учительской, и делали площадку праздничной.

Сегодня всё было праздничным. Само утро, чистое после наплыва тумана, предвещало что-то особенное.

– Слышь, – Грива толкнул меня локтём. – Опять дрыхнешь стоя?

– А, вроде того. Чё надо?

– Тя Алик спрашивает, чё у ты с Крис.

Я спрятал свободную руку в карман джинсов, поднял глаза и встретился взглядом с Аликом. Алик единственный из компании не пытался выделиться: если Грива имел копну чернящих волос, если Дрон носил не снимая куртку и пер-

чатки из кожи молодого дерматина, Джоджо не расставался с кепкой Джотаро и чёрным плащом... то Алик мог позволить себе быть просто Аликом.

– Да чё, – передразнил я Гриву. – И тё. Вчера до дома проводил.

– Дала? – спросил Джоджо и поправил круглые очки.

– Десять раз. У подъезда оставила.

Мог бы наврать, конечно. Но это же Кристина. Вчера был ливень, и Крис – аккуратная, красивая, в своём блестящем пальто и серебряных башмачках... она шла со мной под руку, потому что у меня был зонт и я предложил свою помощь. И волосы у неё очень красиво развеваются, когда она идёт. Голубоглазая, изящная, как весна. И пахнет всегда так... и мило и серьёзно попросилась со мной у подъезда. На чай не пригласила – так и что? Я потом ещё долго стоял под дождём и смотрел на шестой этаж, где светилось золотом и рубином её окно. Или не её. И мне было ни холодно, ни промозгло.

В общем, врать не хотелось.

Парни загоготали.

Алик прикрикнул на них, и смех сошёл на нет.

– Женщины, – молвил он. Затянулся; выпустил дым колечком. Колечко потянулось к небесам, будто нимб. – Они такие. Тонко тут всё, ясно? А вам лишь бы поржать. Тупицы.

Джоджо кивнул, выпуская дым. Дым клубился, извивался, и шелестела старая ива.

– А чё, у него мамк- в этом возрасте и... – заикнулся было Грива, и Алик дал ему затрещину. Я добавил подзатыльник, и Грива, перекатившись, завопил непечатное. «Чтоб думал, перед тем как болтать, дятел», – сказал Алик. Грива набычился, надулся, сжал кулаки...

И пошёл в класс. Из ветвей ивы как раз вынырнул Дрон, и Грива, раздосадованный, толкнул его плечом.

– Опух? – спросил Дрон, потирая плечо и указывая вслед Гриве.

– Язык без мозгов, – сказал Джоджо, видя, что ни я, ни Алик ничего объяснять не собираемся.

– Ну и в задницу, – решил Дрон.

Я вспомнил о сигарете, которую продолжал держать в руке, и сказал:

– Мужики, огонька не найдётся?

Дрон начал рыться в потрёпанном рюкзаке. Через десять секунд он достал оттуда коробок спичек. Джоджо засмеялся:

– Где взял? Раритет.

– Где надо, – огрызнулся Дрон, протягивая коробок мне. – Учись ценить старое, понтовщик!

Я наконец закурил. Дрон достал свою сигарету, зажёл спичку и собрался было прикурить сам, когда ветви ивы раздвинулись, и на нас обрушились грозные взоры биологички и завучихи.

– А я слышала, кто-то топал на лестнице! – завопила первая. – Наконец-то! Мы вас поймали, а ну...

Округлив глаза, Дрон попытался избавиться от улик единственным способом, который пришёл ему на ум: кинул на землю сигарету и спичку.

«Пытался поджечь школу».

Красивая была надпись. Красной ручкой с блёстками. Уверенным, круглым почерком завуча, и подпись особенно размашистая, каллиграфическая – и на полстраницы. Это ведь несмотря на то, что руки у завуча дрожали.

Пожар потушили. К счастью. Никто не пострадал и даже не намочил штанов. У Дрона, правда, рукав обгорел. Но это мелочь. Обдерёт диван в учительской и сошьёт из трофейной шкуры новую куртку.

Вызвали родителей. Даже мою маму. Хотя я честно сказал директору, которого мы между собой звали просто Толэзичем:

– Мы все об этом пожалеем.

Толэзич не спорил, уж он-то это знал. Лысина у него, обычно белая и почему-то в крапинку, как Луна, сравнялась цветом с Марсом. Но возмущённая и дрожащая, как чихуа-нихуа, биологичка настаивала, чтобы Ожешко пришла.

– Особенно Ожешко, – говорила она и сверлила меня взглядом. Хотя, может быть, не только меня: мы вчетвером сидели рядком на громадном диване из кожзама. Алик, си-

девший по правую руку от меня, едва слышно притопывал. Джоджо, маявшийся слева, снимал очки, пристально их разглядывал, протирал и водружал обратно на нос. Дрон, сидевший с краю, царапал ногтём большого пальца подлокотник: должно быть, примеривался, как будет сдирать шкуру.

Несколько раз к нам попытался проникнуть Грива. Начисто забывший о нанесённой обиде, он требовал пустить его к нам: «Я тож- вин-ват!». В конце концов ему пригрозили экзаменами по истории, и Грива перестал бушевать. Его тройка в четверти и так норвила вильнуть хвостиком не в ту сторону.

Первой пришла мать Джоджо.

– По существу дела, будьте добры, – сказала эта строгая дама, сверкнув круглыми, как у Джо, очками. Биологичка начала верещать. Мать Джоджо слушала её ровно две минуты: я по настенным часам засёк. Затем сказала:

– Я делаю вывод, что ничего не произошло. Хорошего дня.

И сгинула. Джоджо с этого момента мог идти домой, и биологичке оставалось только злобно скрипеть зубами – никто б ему ничё не сделал. Но он помотал головой, отказываясь уходить.

Затем прибыла мама Дрона: маленькая пожилая женщина, готовая, казалось, в любой момент расплакаться. А вот семья Алика удивила: пришли оба родителя. Неловко было смотреть в глаза тёте Свете и дяде Антону, особенно когда

они увидели сигареты на столе. Тётя Света даже охренившись зашептала что-то на ухо мужу, и он, посмотрев на сына, пожал плечами.

Последней в кабинет вошла моя мама.

В красном платье, в нелюбимых ею, но эффектных туфлях на каблуке длиной с линейку, в боевой раскраске – она сразу затмила всех в этом кабинете. Когда она схватилась за косяк, мне показалось, что что-то в её движениях есть такое... будто выпила. Но когда бы она успела? Да и на каблуках просто не дошла бы.

Мама села на предложенный стул и закинула ногу на ногу.

– Что случилось? – мило спросила она вместо приветствия. Директор достал из кармана носовой платок. Завуч и биологичка начали наперебой расписывать в самых страшных красках, как ужасные разбойники и хулиганы (это мы) умышляли поджечь школу и таки почти подожгли, и если бы не они...

– Это их вещи? – спросила мама, кивая на пачки сигарет на столе. – Мы можем забрать?

Вредина биологичка указала, где чьи, и мама молча раздала их. Сигариллы Джоджо остались. Мама повертела их в руках, вернула пачку на стол и объявила:

– Предлагаю выслушать мальчиков.

Завуч воскликнула:

– Да что их слушать? Наврут! Ваш сын и наврёт!

– А что мой сын?

– Так он у них заводила! – влезла подружка завучихи.

Дрон глянул на меня и закатил глаза.

– Очень приятно, что мой сын обладает лидерскими качествами. Не замечала за ним, – сказала мама. – И всё-таки хотелось бы для начала послушать ответчиков. Как считаете, Всеволод Толэзич?

Директор кивнул и промокнул Марс носовым платком.

Мы рассказали, как смогли – и про сиги, и про мотоцикл, и про то, как эти сумасшедшие бабки нас напугали. Мама Дрона всё-таки заплакала, накрыв лицо фейспалмом:

– Говорила я ему, не нужен тебе этот мотоцикл, от него одни беды!

– Я ж не знал, что он поэтому мне почти даром отдаёт, ну мам! – завопил Дрон. Завуч открыла было рот, но мама успела первой.

– Ваше слово закончилось, Андрей. Разберётесь со своей техникой. Хотя я бы рекомендовала всё-таки избавиться от неё.

Дрон поджал губы. Весь его вид говорил: избавится, как же.

– Моё мнение таково...

– Да причём тут твоё мнение! – завопила биологичка. – Да у тебя силёнок не хватило воспитать парня, вот и всё!

– Вы мне не тыкайте, – повисила голос мама. – Вы чего хотите? Отчислить? За два месяца до ЕГЭ? Так это глупо. Посмотрите, они напуганы больше вас. И проявляли они себя

хорошо, не так ли? Дрались? Так благодаря им младших ребят перестали обижать, количество хулиганов уменьшилось, верно? – завуч кивнула. – Вот и не стоит наказывать их настолько жёстко. Назначьте им наказание, пусть отработают дворниками или помогают завхозу, в столовой, в туалете полы моют. Да мало ли что. Вы согласны со мной, Всеволод Тимофеевич?

– Безусловно, Магдалина Николаевна, – сказал директор и протёр лысину ещё раз. – За мальчиками больше никаких прегрешений нет... почти. Во имя луны, ваше предложение разумно. Конечно, при условии, что вы пообщаетесь с детьми дома на эту тему.

На том и разошлись. Конечно, завучиха с биологичкой ещё пытались протестовать, но кто бы их слушал. Первыми ушли мы: мама, пожираемая злобными взглядами, и я.

В коридоре нас достиг окрик:

– Орешки!

Это Алик с родителями нас так называют. Тётя Света тут же подбежала, обняла маму и заговорила:

– Я так боялась, так боялась! Я сначала ничего не поняла, думала, они мальчиков из-за курения отчислить хотят, вот Антоше говорила, кто же из-за курения отчисляет? Ну выговор, ну в дневник, ну вызывать-то зачем? А тут они опять к тебе прицепились, но ты не переживай, ты совсем пропала, ну зачем? Звони, не бойся, проси о помощи, я же знаю, что трудно...

И тут мама расплакалась навзрыд, и я понял, что она всё-таки немножко пьяна.

Мы втроём неловко стояли в стороне. Я, сунув руки в карманы брюк, сказал Алику:

– Вот такое я зло.

Алик ухмыльнулся. Его папа, дядя Антон, тоже. Затем, спохватившись, сдвинул брови и погрозил пальцем:

– С тобой, Алексей, я ещё поговорю. И с тобой, Иван.

– Ладно, – нестройно ответили мы.

– Не ладно. Разладнялись. Я в ваши годы...

Но в этот раз дядя Антон только махнул рукой и не стал рассказывать легенды и мифы древней юности.

Мамы под ручку начали спускаться вниз, а мы последовали за ними. На остановке мы попрощались: Савичевы хотели пройтись пешком, а мама явно была не в состоянии гулять. Родители Алика предложили проехать с нами до дома, но мама отказалась.

– Олешек меня донесёт, если что-то случится, правда, Олешек? – спросила она меня, и я кивнул. Зная мамин характер, Савичевы были вынуждены отчалить, а мы погрузились в подъехавшую железную коробку с окнами и поехали домой.

В городе очередной раз произошёл отмыв денег. Так мама и сказала, когда услышала, что вместо нормального диктора теперь остановки объявляет записанный на кассету прямо поверх старой записи гугл-переводчик. Слова, обезобра-

женные электронным акцентом, сливались в мутную кашу, и совсем невозможно было понять, какая остановка следующая. Я даже вслух пожалел туристов и гостей города.

– Слава богу, у нас их немного, – мрачно сказала мама. – Расстраивают они меня. И ты расстраиваешь. Кстати, на.

Она достала из сумочки сигареты и протянула их мне.

– Бери. Всё равно же купишь опять, если захочешь, взрослый парень. Хоть деньги сэкономим.

Я почувствовал, что краснею. Мне захотелось поблагодарить маму за то, что не устраивает глупых разборок, но вместо этого почему-то спросил:

– И давно он в тебя влюблён?

– Кто? Ваш директор? Да одновременно с твоим папой за мной ухаживали, знаешь. Но твой папа сердечнее был, добрее.

Мамино лицо опять помрачнело. Она разглядывала яркие киоски, голубей, сновавших на остановках, старые деревья и многочисленных в это время прохожих, но мысли её явно были не с картинами за окном.

– Удивительно, – наконец сказала она. – Когда меня нашли тогда, весь город радовался, что я не погибла!

– Мам, не надо.

– Все же знали про этого маньяка, и твой папа тогда очень помог, а всё же вот ходят, критикуют, наглости хватается намекать...

– Может, потому и критикуют, мам.

Она обернулась ко мне.

– Не говори так. И вообще, двигай задом. Нам сейчас выходить.

Только сейчас я заметил, что за окнами начинается ограда знакомого кладбища.

Мама точно была немного пьяна. Когда автобус остановился в полуметре от остановки, и прямо под ногами открылась широкая лужа, мама прыгнула – и, приземлившись, упала.

Я перешёл лужу вброд. Совсем была мелководная.

Мама сидела в своё шикарное красное платье прямо на асфальте и, охая, трогала левую лодыжку.

– Болит? – спросил я.

– Потянула. Дура, – сердито ответила она. – Теперь точно всё накрылось!

Я помог маме встать. Она попыталась идти сама и чуть не упала снова, тогда я подставил плечо и мы захромали к дому вместе: идти-то было три минуты.

– Олешек, так и не спросишь меня, что это за хахаль?

– А смысл? Потом придёт другой. И мне опять придётся привыкать.

– Вот ещё! Ай! – мама случайно встала на левую ногу, задохнулась и закашлялась. Мы остановились. – И... кх... ты туда... кх... же! Думаешь, что я ветреная и несерьезная, да?

– Нет.

– Нет, признайся честно, думаешь! – мама сердито запрывала вперёд, и я потащился за ней. – Боже, даже сын думает, что я ветреная! Что за жизнь-то такая, ещё эти туфли, выкину их дома прямо вот из окна... – она остановилась и стащила туфли с ног. Сделала движение, будто собиралась кинуть за ограду кладбища, но в последний момент опомнилась. – Пошли.

– По папе скучаешь. Вот и боишься.

– Ничего я не боюсь! За собой следи вообще. Тебе девочка нравится, а ты как дурак, даже телефон не возьмешь...

– Мам...

– ...вокруг ходишь и ходишь, а надо вот так хватать! – мама показала свободной рукой «хватать». – Ключи далеко?

Побыстрее запустил её в дом, пока не начала троллить.

Мы дождались лифт и вошли в квартиру. Я помог маме дойти до её спальни, и она, как была в боевом прикиде, так и упала на кровать лицом вниз.

– Есть будешь? – спросил я, проходя на кухню.

– Угу.

В холодильнике, конечно, было пусто, не считая недоеденного мамой завтрака и двух луковиц с тремя лимонами. Я полез в шкафчик, но и там вместо ожидаемых мной макарон или хотя бы гречки лежали несколько маленьких плоских пачек. Я взял одну в руки и прочитал надпись.

– Мам! Что в буфете делает попкорн? И где гречка?

– Это на чёрный день! – и, подумав, мама добавила: – То

есть сейчас!

Я поставил чайник, разогрел в микроволновке утреннюю яичницу. Затем, сверяясь с инструкцией, открыл обёртку, а шуршащий бумажный пакет поместил в микроволновку картинкой вверх и включил на полную мощность. Раздался треск орудий, и мама что-то закричала из комнаты, но я наблюдал, как раздувается и вертится бумажный пакет, подсвеченный замогильным жёлтым светом. Чуть про чайник не забыл.

Когда микроволновка тренькнула, я осторожно достал растолстевший пакет, высыпал его содержимое в маленькую кастрюлю и отнёс вместе с чаем и яичницей маме. Она уже успела переодеться в домашнее – платье валялось в углу – и, сложив руки на животе и болтая здоровой ногой, смотрела в телевизор. Судя по рожам на экране, это были старинные «Друзья».

Я поставил обед перед ней.

– Спасибо, сынок, – она поглядела на запястье, – а ты ещё успеешь на работу!

Я поднял брови.

– Тебе надо в больницу.

– И что? Поем и вызову себе скорую, – невозмутимо произнесла мама. – Скажу, в ванной упала! Пусть отработывают налоги, которые я им плачу.

– Пообещай.

Мама закашлялась и сквозь глотки воздуха выдавила:

– Вот... кх, кх... нудный! Ну кх-кх-хорошо... хочешь, позвони через пару часов!.. – наконец кашель прошёл, и она закончила: – И вообще, уже без десяти.

Поколебавшись, я схватил у неё горсть попкорна и, жуя на ходу, побежал на работу.

На кладбище.

Оно уже было открыто. Я привычно срезал путь через наш вход, пробежал через туристическую священную рощу с камнем-Дедом посередине, по выгнувшему спину мосту через речку, пробежал насквозь Старый город и вскоре оказался у главного входа, где стояло административное здание: конец восемнадцатого века, такой себе классицизм – ярко покрашенная коробка с колоннами. Взбежал по лестнице на третий этаж, привычно перепрыгивая через дыры в паркетe.

– Добрый день, Илья Ильич! Извините за опоздание, я честно спешил.

– И тебе добрый. Спешил, казак... где мать твоя? – Илья Ильич, щурившийся в монитор, спустил очки на кончик носа и взглянул на меня поверх них.

– Повредила ногу.

– М-м-м, – Илья Ильич вернул очки на место.

– Нет, взаправду.

Он поднял брови.

– Что-то серьёзное?

– Не знаю. Я сюда, а она поехала в больницу.

– Как не вовремя...

– Да не волнуйтесь! Я у вас год тут, экскурсии как ведут – видел. Потерплю месяц, пока мама не выздоровеет. Привыкать надо!

Илья Ильич улыбнулся.

– Привыкать надо... – повторил он за мной. – Если тебя возьмут, казак, если возьмут. Не каждый подойдёт. И Директор у нас строгий. Строгий...

Илья Ильич уткнулся в экран. Я подождал, пока он продолжит речь, но он молчал, и я напомнил о себе:

– Что сегодня делать?

– А, да, – Илья Ильич снова посмотрел на меня поверх очков. – Сегодня твоей матери хотел поручить ребят, твоих ровесников. Хотят стать экскурсоводами, как и ты. Она умеет обращаться с... молодыми людьми. Но если ты уйдёшь сейчас, я тебя не осужу. Тогда я смогу...

– Я уже опытный! – прервал я его монолог. – С детьми разберусь. Мне не трудно! Я уже почти готовый экскурсовод, ЕГЭ сдам – и готов.

Илья Ильич внимательно поглядел на меня. Улыбнулся и кивнул.

– Похвально. Ты молодец, Иван, настрой держишь. Оптимизм – он помогает, даже необоснованный. А матери передавай пожелания скорейшего выздоровления. Обязательно узнай, что у неё. Если лёгкое растяжение – приводит к Петровичу, он её быстро поставит, прости господи, на ноги. А ес-

ли связки надорваны или перелом... – он покачал головой, – тоже приводит. Но не думаю, что что-то получится, сам понимаешь.

Вот ещё каждый меня учить будет, что делать! Будто мне двенадцать. Сам знаю, к Петровичу, не к Петровичу!

Илья Ильич усмехнулся, хотя я молчал. Видимо, понял всё по моему лицу.

Со слов Ильи Ильича я представлял их всех детьми. Не знаю, почему, он ведь ясно сказал: «ровесники», «ровесники», блин! Когда я спустился во двор, я полностью охренел. Двое парней точно были старше меня, насчёт девчонок – не уверен. С ними всегда сложнее.

Я представился. Народ тоже охренел, когда услышал, что знакомить их с кладбищем буду я, но несильно. Я же постарался запомнить их имена. Высокий дрыщ – Сергей, вот этот шкаф – Евгений, короткостриженная с фотиком – Диана, беленькая – Елена, постоянно с телефоном – Анна, типа спортивная – Ульяна. Сергей, Евгений, Диана, Елена, Анна, Ульяна. Сергей, Евгений, Диана, Елена, Анна, Ульяна. Евгений, Сергений, Дима, Кристина... стоп, что-то я уже напутал.

– Не нужно рассказывать историю кладбища? – спросил я, когда мы вышли из главного здания. – Все знают?

– Неа, – сказали Евгений с Дианой. Они знакомы были, что ли – вместе всё держались. Правда, Дина больше в фотик смотрела, чем на парня. Щёлк – щёлк. Держись, брат,

френдзона – она такая.

Остальные на мой вопрос скромно промолчали, и я повторил его. Тогда Сергей фыркнул:

– Каждый день тут хожу. Рассказывай, раньше начнём, раньше закончим.

Девчонки согласно закивали. Ну и народ. А ещё экскурсоводами стать хотят. Ничего им на кладбище с таким подходом не светит, Директор быстро покажет, где у нас задняя калитка.

Просто и доступно объясняю это народу. Призадумались. Обрадованный, веду по главной дорожке вглубь кладбища – той, что для горожан и экскурсий. В начале парк, клумбы и прочая цивилизная красота, потом начнутся красивые реставрированные здания – Старый город.

– Все знают, что на просторах нашей необъятной Родины существовало – и существует, – множество самых разных народов. Русские, татары, марийцы, чувашаи, мордва, ханты, манси – всех не перечислить. Только в нашем крае насчитывается более 50 национальностей. В городе Азеренове преобладающая народность – моорты. Это мы с вами.

– А я русский, – говорит Сергей. – По паспорту.

– И я, – соглашаюсь. – Точнее, отец у меня был приезжий, а мама – местная. Записали меня, как отца, но ДНК ластиком не сотрёшь. В последнее время к нам приезжает не очень много людей, и скорее всего вы хотя бы на четверть или на восьмую часть, но моорт. Моорты – народ необыч-

ный. Кто знает почему?

Елена поднимает руку.

– У нас кладбище – это центр города. Исторически. В отличие от других городов, где центр – это торговая площадь или укрепления. Вот.

– Правильно, – радуюсь. – Знаете, почему?

Молчание.

– Неправильно, – говорю я, как бы шучу, но никто не смеётся, даже я сам. – В общем, дело в следующем. Начну изда- лека. Древние люди, и наши предки сначала тоже, выноси- ли кладбища и места поклонения богам за пределы мест, где селились. То есть ты живёшь в деревне, а хоронишь и мо- лишься где-нибудь там, в лесу.

– Дай угадаю. И только нашим предкам, как последним идиотам, взбрело в голову селиться на кладбище, – лениво протянул Сергей.

– Не совсем, – Сергей начинает бесить, но я сдержива- юсь. – Они селились вокруг кладбищ. И да, иногда – прямо в священных рощах.

– Почему? – спрашивает Диана, делая с дороги шаг и при- целиваясь фотоаппаратом в ёлку.

– Диана, вернись на дорогу, пожалуйста. Что ты там дела- ешь?

Все смотрят на Диану. Она краснеет.

– Я просто хочу сфотографировать...

– Что там фотографировать? Ёлки? Иди сюда и слушай.

Я молчу, пока она, всё-таки нажав пару раз на кнопку, не возвращается на дорогу. Евгений, улыбаясь, что-то шепчет ей.

Я продолжаю:

– Согласно старинной легенде моортов, с востока пришёл мор, с запада – тучи зловредных насекомых, а с юга набегали соседи. Началась война. Моорты поняли, что страшно прогневили богов. Что те не успокоятся, пока не сотрут моортов с лица земли. Тогда они, говоря метафорически, завернулись в белые простыни и пошли на кладбище. Ну как бы зачем ждать, пока боги тебя убьют, если можно и на своих двоих дойти?

– Они просто пришли и легли в могилы, – пробормотал Евгений. Тихо пробормотал, но я услышал.

– Нет. То есть, да, они провели миллион ритуалов, как это у моортов было. Тогда в землю людей не зарывали, а клали в специально построенные дома, либо подвешивали на деревья. Но суть не в этом: никто их не убил. Они выжили. Можете себе представить? Даже соседи опасались нападать на моортов, пока они сидели в своих рощах.

– Угу. Испугались, – фыркнул Сергей. Я сжал кулак в кармане и продолжал:

– Боги простили моортов и взяли с них обещание, что они будут жить рядом и никогда не забывать их. С тех пор моорты селятся в священных рощах, а боги и предки защищают их – так гласит предание. А так как население росло, то

и вскоре жить стали не просто около, а вокруг рощ, делая их центром своего мира.

– Я знаю, я знаю! – подпрыгнула Елена. – Как символ мирового дерева!

– Правильно, – снова обрадовался я. – Кстати, в нашей Священной роще, не той, которая для туристов, а настоящей, есть одно мировое дерево. Но я вам его не покажу.

– А ты его видел?

Я многозначительно промолчал.

Елена счастлива. Глаза остальных становятся сонными, Анна и Сергей утыкаются в мобильники. Как раз развилка дорожки, и я, недолго думая, сворачиваю на боковую дорожку, которая не для туристов – здесь трава лезет прямо сквозь асфальт, а местами дорога совсем вырождается в тропинку. Путь упирается в забор-сетку одного с нами года выпуска. Отпираю ключом хилую калитку – лось вроде Евгения за просто её снёс бы и так, но кому это надо.

Идём.

– Традиции моортов не смогла выкорчевать даже насильственная христианизация, длившаяся на протяжении нескольких веков. Как будто их действительно кто-то защищал. В отличие от соседей, наши предки по-прежнему почитали хозяев рощ как своих защитников и благодетелей – что не мешало им верить заодно и в Христа, – слева показывается старая полуразрушенная церковь, основанием ушедшая в землю, и я указываю на неё. – Там была долгая взаимная

дружок? Тогда я тебе расскажу, как в девяностые сократили финансирование и кладбище пришло в упадок, но Директор...

– Набил себе карман. А то я не знаю, – Сергей фыркнул и махом залез на стену. Полетели мелкие камешки и песок. Я прыгнул, чтобы схватить наглеца за ногу, но не успел. – Я знаю, что вы все тут только и делаете, что набиваете карманы. Можешь мозги мне не мыть. Я знаю, как всё было.

– Сергей, слезай с культурного достояния, – я нашарил в кармане телефон. Достал, выбрал контакты.

– А что ты мне сделаешь? Мышам кабинетным позвонишь? Ну валяй, звони.

Палец замер над зелёной кнопкой. Я закусил губу.

Позвонить Ильичу сейчас? Расписаться в своём бессилии?

Да чёрта с два!

Я занёс руку с телефоном для броска. Лучше я сейчас собою придурка на землю...

– Нет! – закричала Елена и вдруг обхватила меня руками. – Вам нельзя!

Меня ослепила вспышка. Это Диана сфотографировала придурка на стене. И наверняка меня заодно. Нашла что, дура!

– Да! – Сер заржал. – И так сфоткай! – он сделал на стене «колесо».

– Убери фотоаппарат! – рявкнул я на Диану.

За спиной завизжали. Это типа спортивная издавала звук, указывая вперёд на дорогу. Я увидел там громадное зубастое чудище, похожее на небольшого медведя и на китайского дракона одновременно. «Отпусти меня!» – заорал я на Ленку, и она обиженно разомкнула руки. Я помчался к чудищу и, насколько мог спокойно, сказал:

– Иди обратно. Ты чего вылез? Ты думаешь, это карнавал? Это не карнавал.

Пёс по имени Чудище перестал улыбаться, огорчённо вздохнул и поплелся по дорожке обратно.

– Теперь ты, – я указал пальцем на Сергея, – а ну спускайся! Раз, два...

Евгений что-то тихо произнёс. Дина засмеялась, делая ещё несколько фоток.

– Что? – Сергей замер. – Что ты сказал?

Евгений повторил. Не так громко, чтобы услышал я, но Сергей его отлично понял. Он мигом прыгнул со стены и толкнул Евгения ладонями в грудь:

– А ну извинись!

Тот заржал, и Сергей ударил его коленом в живот.

Началась драка. Типа спортивная опять визжала, Ленка норовила повиснуть на мне, Динка прыгала вокруг с фотоаппаратом – не люблю таких, чисто будущие журналисты, – парни дрались, Аня посреди всего этого бедлама тупо втыкала в телефон.

Пришлось звонить.

– ...нет, Иван Степанович, это безответственность, – выговаривал мне Илья Ильич. Прямо при моих недавних экскурсантах, чтоб их водяной съел. – Вам доверили сложное дело, а вы? Почему вы увели ребят с основного маршрута?

– Им было скучно. Я подумал, что им будет интереснее посмотреть на...

– На что?

– На ау... ау... тен... тичное.

Илья Ильич скривился.

– А на что ещё им посмотреть предлагаете? Может, на склад моортских драгоценностей? На свой дом?

Я промолчал, глядя в землю. Ильич обвёл всех взглядом, показывая, что допрос меня окончен.

– Кто начал драку?

– Как Иван и сказал – он, – сказал Евгений.

– Нет, он, – сказал Сергей.

Илья Ильич красноречиво так глянул на меня.

– У меня всё есть, – пискнула Дина. Надо же, а так уверенно скакала вокруг драки со своим аппаратом. Откуда такая робость? – Я всё засняла.

– Покажи.

Дина подошла к Илье Ильичу и повернула фотоаппарат экраном к нему. Илья Ильич глядел то туда, то на парней и, ещё раз скривившись, произнёс:

– Хорошо. Спасибо большое, Дина.

– Стукачка, – сказал Сергей. – Крыса.

– В ваших комментариях не нуждаемся. Все свободны, вам ещё позвонят.

– Илья Ильич... – я подскочил с места, но он смерил меня хмурым взглядом из-под бровей.

– Иван Степанович, я говорил что-то про вас? Нет. Я сказал: все свободны.

Было ещё только пять.

Я пошёл длинным путём – вокруг кладбища. По дороге зашёл в супергипермегамаркет. Полки с хлебом уже пустовали. Я с трудом нарыл пачку какого-то американского хлеба для тостов. Посмотрел на цену и скривился не хуже Ильи Ильича. Но взял.

Также в потребительскую корзину полетели гречка, картошка, макароны, молоко, яйца. Увидел консервированный горошек по акции и сильно обрадовался, схватил последних две банки; положил было к себе, но тут налетела бойкая бабка в платочке, выхватила горошек из моей корзины и исчезла в направлении касс.

Я плюнул и взамен взял нам с мамой немного черешни.

Когда я вышел из супермаркета, уже смеркалось. Я поскакал домой.

Мамы ещё не было. Я позвонил ей, но она не брала трубку, и я положил телефон на стол: небось опять кого-нибудь из подружек встретила, болтают языками. Или с хахалем

своим, мозги ему печёт.

Начал мыть ягоду и, сунув руки под струю воды, зашипел: горячую отключили.

Я посмотрел на часы. Общественные бани работали до девяти, так что я успевал. Я схватил плавки, полотенце, отцовские шлёпки и помчался в ближайшую – в пятнадцати минутах бега от нас.

Прибежав, расплатился, быстро переоделся, принял душ и со стоном плюхнулся на скамью. Народу было немного, так что сидели мы за метра полтора друг от друга. С меня тут же стала натекает вода; обхватив голову руками, я смотрел, как капли собираются подо мной, а в них отражается моё собственное лицо. Лицо кривовато усмехнулось мне, и мы синхронно кивнули друг другу. Вода подрагивала, будто грань перехода из одного мира в другой.

– Здоров! – рядом со мной плюхнулись.

– И тебе не хворать, – сказал я Гриве.

Помолчали. Я продолжал рассматривать отражение, но теперь без цели. Просто чтобы показать, что я занят.

– Э... ты это...

Я поднял голову:

– Хочешь извиниться?

– Не, вот ещё нашёл чё, – сказал Грива и кивнул. Ладно, засчитаем ему как извинение.

Я дал Гриве подзатыльник. Он только отмахнулся.

– Чё хотел-то? – спросил я.

– Слышь, ты историю дел-л?

– Не, сегодня не успел. Мать подменял.

– А-а-а. Вот бл...

– Да делай ты её уже сам, – вспомнив свой фейл, я спросил: – Последнего царя как звали?

– А я е...у?

– Вот. Ничего не знаешь. А так нельзя.

– Ф, нудяк. В в-спитат-ли нанялся?

– Придурок. Ты думаешь о будущем хоть чуть? Ты кем после школы будешь?

– Да хоть кем. Хоть экск-рс-водом. В наше кладбище. А чё, несложно. Тя ж взяли.

– Несложно? – я взорвался. – Ну попробуй, дебила кусок! Так не работает, ок? Ничё просто так не даётся. Не бывает, чтобы ты захотел в хорошее место и раз – прошёл. Я там сколько трусь, так и то не факт, что после школы возьмут. Разве что в грузчики. А он видите ли просто так придёт и начнёт, дебил сопливый. Это тебе не козьявки об парту вытирать, придурок!

– Да чё ты...

– А чё я! Да ничё! Несложно, блин! На кладбище он пойдёт работать! Идиот...

Я встал и отсел к окну. Там собирался дождь: тучи сбивались в кучу, закрывая и без того почти ушедшее за горизонт солнце. Далеко внизу ходили люди: кто в полном осеннем доспехе, а кто уже в ярких майках и шортах. Деревья радост-

но хвастались новой листвой, поворачивая её то так, то эдак.
– Эй, ну ты чё... – замычал Грива. Опять подсел ко мне, придурок.

Я бросил ему какое-то слово и вышел.

Мамы всё ещё не было.

Я поставил картошку вариться. Подумал – и поставил ещё одну, самую большую, кастрюлю на плиту. Раскидал по той стороне подоконника хлеб для Стёпки, но голубя почему-то тоже не было. Тщетно прождав его минут десять, я вспомнил про завтрашнюю контрольную по истории и погнал себя учиться.

А то Николая II в начале мая забыть – это талант. Особый талант, я бы сказал.

Впрочем, вскоре я отвлёкся на наш с мужиками чат. Дрон досмотрел пятый сезон «Невероятных приключений Джоджо» и теперь рофлил над нашим. Грива подхватил забаву, закидывая чат гифками, а Джоджо вяло отбивался.

Через полчаса позвонила мамка и попросила помочь подняться. Бросил всё, поплёлся вниз. Она, усталая, в домашнем спортивном костюме, сидела на скамейке у подъезда. Я поднял маму и понёс вверх по ступеням – она запротестовала, и у двери я её поставил на ноги. Мы доковыляли до лифта, и от лифта тоже. Затем мама стала разуваться, а я вспомнил про картошку. Вовремя – вода почти выкипела. Прилетел Стёпка, но вопреки обыкновению не набросился на еду,

а начал зырить сквозь стекло в кухню. В голубиных глазах и в окне множились я сам, люстра, в отражениях напоминавшая НЛО, какие-то ещё неопознанные объекты: иллюминатор, вертикальный гроб, огромную корону. Если приглядеться, можно было узнать в этих объектах причудливо искажённые стиралку, холодильник, стол.

Хотелось задёрнуть шторы, но не стал: мама будет вопить, если увидит, что Стёпка ест в одиночестве. А потом обязательно закашляется на полчаса, и слушай это всё.

Вернулся в коридор и увидел, что мама разулась и сидит прямо на полу, обняв колено.

– Есть будешь или тебя накормили?

– Буду, – откликнулась мама и замолчала.

– Чё сказали в больнице?

– Что у меня рак, – мама помолчала, не глядя на меня. –

Рак лёгких.

Я вздохнул. Ага, конечно.

– Это ты меня воспитываешь? Типа чтобы не курил?

Вместо ответа мама прислонилась затылком к стене и замерла, глядя в потолок.

2

Мама пустыми глазами смотрела в тарелку.

Пустыми глазами.

Снова.

И закашлялась.

– Макароны, – сказал я. – Твои любимые. С сыром. И глаза глазуни.

Мама едва заметно кивнула и отвернулась к окну, теребя кончик светлого хвоста. Медленно встала, пропрыгала к окну, открыла его. Начала крошить остатки позавчерашнего хлеба Стёпке на подоконник.

Стёпка, умница, посмотрел на неё одним глазом, другим, а затем поднял особо крупный кусок и кинул в маму.

– Кх... А-а-ай!

– Даже Стёпка тебе говорит: иди есть, – повторил я. – Как маленькая!

Мама подняла брошенный кусок, разломилась на более маленькие и положила перед голубем. Я не выдержал, и, будь я зверем, честно, у меня бы шерсть дыбом встала.

– Чё, так и будешь молчать?

Она снова закашлялась, но ни одного осмысленного звука не издала.

Я взорвался:

– Ты надоела! А ну живо садись за стол! К врачу записы-

валась, нет?

– Я не хочу.

Наконец-то ответила. С вечера молчала, как об лёд.

– Заедала! Тогда мы идём туда, – я ткнул пальцем в окно, – к Петровичу. Понятно?

– А что сделает Петрович? Он даже переломы не может.

– Вылечит тебя. Да, вылечит! – я окончательно разозлился. – Или вылечит, или я вобью ему в глотку его... что он там пьёт?

– Вино.

– Вот вино и вобью.

– Дурак ты, Олешек, – сказала мама и улыбнулась.

Петрович уже был хорош. Прямо с утра. Мы долго стучались в его, как он называл, «келью», на самом деле – обычную конуру-пристройку к церквушке в Старом городе. Потом он открыл – распухший, глаза как дырки в свиные-копилке. И сам как свиная-копилка. И рукав рясы в каких-то пятнах.

– А? – спросил он, щурясь на пролившую лучи зарю. – Я проспал?

– За тебя Демьян отслужил, – коротко сообщила мама. – Пусти, разговор есть.

Петрович нерешительно посторонился, и мы прошли вовнутрь. Темно там было и воняло, как в аду. Очнувшись, Петрович бросился открывать запыленные окна.

– Магдалина... Магдалиночка! Да ты бы сказала, что придёшь, я бы приготовился, а так что...

– Лечить меня надо, Петя. Срочно. Сейчас. Пока заря даёт тебе самую большую силу.

– А? – он опустил глаза на мамину ногу. – А, да, я... не могу же я... в таком виде-то! А может завтра, а?

– Завтра будет пасмурно.

– Магдалиша, ну имей снисхождение! Грехи надобно замолить, оздоровиться... – Петрович метнулся к кровати, припал к полу и нашарил в подкроватье бутылку. Оглядел придиричиво, засунул обратно, достал другую и начал пить прямо из горла. Заявил, оторвавшись: – Оздоровиться – первое дело!

Мама посмотрела на меня.

– Олешек, фас!

– Мама!

Но она только поджала губы. Я издал звук, что-то среднее между «о-о-о» и рычанием, подошёл к Петровичу, выхватил у него бутылку и вылил содержимое на пол.

– Извините, Петрович.

Мама сложила руки на груди и кивнула: она-то извиняться явно не собиралась.

– За что ты так, Магдочка? – Петрович погрустнел. – Как мне её пить-то теперь – как собаке, с полу? Непорядок.

– У меня рак, Петя, – мама сглотнула. – Рак лёгких. Мне нужно лечение. Сейчас.

Петрович, пошатываясь, встал на ноги. Тяжело задышал, округлил глаза. Отчаянно закивал.

Демьян плеснул в купель ещё воды. Отец Петр нахмурился.

– Достаточно, – царственно произнёс он. Демьян тихонько прислонился к стеночке, утирая пот. Двое других служек давно сидели поодаль, тяжело дыша.

Петр взял с серебряного подноса кубок с вином. Перекрестил, шепча под нос слова молитвы, и передал маме. Она выпила, кажется, в два глотка.

Петр затянул песню. Язык её был старый и страшный, подходил этой зале с купелью как влитой. Все эти лики со стен и потолка словно говорили с нами через Петра и вместе с ним, отзывались эхом и хором. Поверхность воды, отражавшая всех святых из наших трущоб, подрагивала, и от этого казалось, будто они впрямь поют.

Я подал руку маме, и она, опираясь на меня, по ступенькам спустилась в купель. Петр и святые запели нотой выше, а слова стали ещё более шершавыми и гнутыми, ложились у наших ног тяжкой грудой. Мама зажала пальцами нос и погрузилась в купель с головой.

Подхватили песню Демьян и служки. Позеленевшие от времени слова метались в зале от стены к стене, усиливаясь, чтобы взлететь к нарисованному солнцу – и к настоящему светилу, заглядывавшему в купель точно через открытое

окно.

Мама вынырнула. Вода вокруг неё засветилась, и отражения задрожали ещё сильнее, будто с неохотой выпускали её. Затем вода потемнела, почти почернела, вспенилась – и перестала отражать.

Я вдруг понял, что Петр перестал петь и подаёт руку маме.
– Встань, Магдалина, – сказал он.

Она тут же поднялась на ноги.

Я замер, боясь спугнуть чудо, но она правда стояла на ногах. Как будто и не ломала ничего.

Мама подняла на нас испуганные глаза. Переступила с ноги на ногу, как голубь.

Первыми засмеялись служки и заулыбался Демьян.
«Цыц», – прикрикнул на них Пётр, улыбаясь в бороду.

– Выходи, Магдалина.

Мама улыбнулась. Тепло и радостно. Легко выскочила из вязкой жидкости, в которую превратилась вода, закружилась по зале и засмеялась.

– Если ты перелом вылечил, то и это тоже! – она схватила Петровича за руки и закружилась вокруг него. – Ты смог!

Петрович старательно скрывал удивление, согласно гудел и улыбался в ответ.

Мама выздоровела!

Она тут же побежала получать выписку – и по дороге выкинула эффектные туфли, на которых так эпично наверну-

лась. Не из окна, как обещала, а просто спустилась вниз и швырнула в мусорный ящик. Потом наверняка помчится к хахалю, зависнет у него на неделю, но это пусть. Главное, что здоровая.

Я отправился в школу. И настроение мне не испортила даже контрольная по истории в форме ЕГЭ на последнем и единственном уроке, на который я попал.

Говорят, что ЕГЭ – это проще, чем устный экзамен. А я думаю иначе. Когда тебя натаскивают на ЕГЭ, тебя натаскивают на что – то общее для всех. А в устном экзамене ещё пойми, что в голове у препода и что он хочет видеть в твоём выступлении. Не, я так просекать не могу, поэтому лучше уж спокойно сесть и написать, как учили. Но там тоже нужно учить. И не так-то это легко, выучить именно то, что хотят видеть господа в Москве. Особенно если ты – ученик обычной школы и учат тебя не то что спустя рукава – даже пальто не снимая и в класс не заходя.

Уже протянув историчке лист, я вдруг хлопнул себя по лбу.

– Елена Николаевна, можно ещё десять минут? Я вспомнил правильные ответы.

– На ЕГЭ тоже будешь просить? – фыркнула историчка и указала мне на дверь. Молодая, только после института, красивая, и потому вредная.

Пришлось выйти.

– Ну и? – спросил меня Алик, который написал раньше

и теперь болтался в коридоре, как в проруби. – Как оно, Орешек? или не какано?

Дрон, стоявший рядом, захихикал.

– Остряк, – буркнул я. – На четвёрку.

– Инфа, она сотка?

– Сто тридцать.

– А чё такой расстроенный?

– Так в вышку же хочу. Сто раз тебе говорил, – я потёр лоб.

– В вышку он хочет. Я учу, и ты учи. Какой он был, твой вариант?

Ответить я не успел: из кабинета вывалился Грива, и рожа у него была предовольная. Мы переглянулись.

– Грива, как оно? – спросил Алик.

– Или некакано? – ехидно добавил Дрон, за что Алик сунул ему под нос кулак. Но Грива широко улыбнулся.

– Файв, мужики!

И, напевая, пошёл вниз – явно в столовую.

Мы снова переглянулись, и мужики помчались за Гривой. А я остался ждать Джоджо. Бурчать же будет, что его игнорят.

Но следующей вышла из двери Кристина. Вышла – и остановилась, пытливо глядя на меня.

А я и забыл о ней совсем. С мамой и с историей я... А Кристина стоит и смотрит! Почти как позавчера, и... что сказать, что сказать?

– Здравствуй, – сказал я, не соображая, что мелет мой язык.

– Привет.

– Хочешь, я провожу тебя до дома?

Она улыбнулась, кивнула и изящно заправила чёлку за ухо. Сердце бухнуло, реальность на миг расплылась.

Я взял у неё сумку – довольно лёгкую, как будто Кристина носит в ней только ручки и одну-две тетрадки. Тут же следом принял пакет и понял, куда она складывает всё.

Мы вышли в погожий день. Я первым спрыгнул с лестницы на землю и подал Кристине руку, помогая перепрыгнуть через лужу у подножия. Её туфельки прочно встали на асфальт, попирая серость и разруху. Я сделал чему-то в её внешности комплимент, и Кристина, мило покраснев, что-то ответила. Я сказал что-то ещё, и она засмеялась. Я понял, что ответил невпопад.

У школьной площадки стояли мусорные контейнеры – со всем причитающимся набором запахов и пятен на асфальте. Вокруг суетились голуби, бычили друг на друга, топорщили перья – просто мелкие комки зла. Ругались из-за остатков пролитого на асфальт – то ли супа, то ли блевотины.

Кристина при виде них сморщилась.

– Ты чё, не любишь голубей?

– Нет, – сказала она. – Представь себе. Я в пабlike «Сны трёх разумов» читала, что во Франции их называют летучими крысами. И я согласна. Ты посмотри на них!

Я облегчённо рассмеялся и признался:

– Тоже их не люблю! Вся грязь от них, разносят. Но мамка приручила одного, пришлось смириться.

– Я очень сочувствую. Я бы очень поругалась с родителями, если бы они надумали приручить голубя. Но к счастью, они не создают таких проблем!

– С мамкой только поругайся. То есть, когда в быту – нормально, а когда дело касается её идей – это бедствие. Обижается, потом не появляется дома неделю.

– Это же хорошо. Я бы обрадовалась: целую неделю дома одна! Хотя... деньги на жизнь она тебе оставляет?

– Кристина, ты такая разумная, – восхитился я. Её лицо помрачнело.

– Ты роффлишь?

– Нет... нет! Это редкость. То есть, чтобы человек думал наперёд, просчитывал варианты и не нужно бы было думать за него. Я почти не встречал.

– Что ты! Это совсем не редкость. У нас в семье все представители такие. Прадедушка был начальником на заводе, а дедушка – предпринимателем. Благодаря ему у нас есть предприятие. Жаль лишь, что из Азеренова им не удалось вырваться.

– А у нас только кладбище, – нервно засмеялся я. Она пожала плечами.

– Кладбище тоже нужно всем! Пришли.

Я поднял лицо к голове надвинувшейся на меня десяти-

этажки – и тут же оглянулся на Крис. Она протянула руку, и я как дурак хотел было пожать её, но в последний момент меня остановило то, что у меня в руке её пакет, а на плече – сумка. Я отдал их Кристине, и мы попрощались. Я смотрел, как она стремительно взлетает по короткой лесенке, мелькают обтянутые джинсами ножки. Она так же быстро набирает код и исчезает за дверью.

Я ещё постоял, глядя вверх, на окна – которые её, я не знал, и мысленно перебирал, какие бы ей подошли. Наверное, те, на девятом: и высоко, всё в городе видно, и в то же время не будет приветов с крыши, если голубиный помёт разъест покрытие. Знаем мы их, этих... голубей.

Опомнившись, я достал из кармана мобилу. Так и есть – времени оставалось впритык, чтобы добежать до работы.

Что я и сделал.

Ильича на месте не было. Камень с моей души упал и ринулся к центру земли, пробивая магму, Нибиру и что там ещё есть: попадаться на глаза после фейла не хотелось. Его зам всучил мне ключ от архива, отвёл в кабинет на четвёртом этаже и поручил гнить тут до конца вселенной... в смысле, продырявить и сшить полный стол документов.

Чем я и занялся.

Я бы быстро приуныл, если бы телефон на столе не заплясал. Я посмотрел на экран и взял трубку:

– Чё надо?

– Ты где?! – завопил Дрон. Я поморщился.

– Не ори. На работе.

– А чё, опять маманю подменяешь?

– Не, сегодня за себя. В архиве сижу.

– Это где?

Я назвал кабинет и этаж.

Дрон и Джоджо ввалились, шумя, как пять тыщ ворон. Орал в основном Дрон, но Джоджо неплохо поддерживал шумовой фон. Я цыкнул на них, и они притихли, но ненадолго – вскоре Дрон снова начал вопить:

– Грива лучше тебя написал!

– Тише. Откуда инфа?

– Так сравнили! Ответы правильные, все до единого! – и, придвинувшись ко мне, шёпотом, который можно было слышать из самого нижнего среди подземных миров, произнёс: – Он стащил у учителя бланк с правильными ответами!

Я пожал плечами.

– Рад за него. Хоть на тройк выползет.

– Если не застукают, то да, – заметил Джоджо.

Дрон нахмурился, оседлал стул и начал на нём раскачиваться:

– Чё застукают, я не понял?!

– Он двоечник. И он написал абсолютно всё без ошибок.

Мы с Дроном замолчали. Я даже перестал дырявить документы.

– Идиот, – наконец прокомментировал я и ударил дыро-

колом по стопке.

– Он Грива, – пожал плечами Джоджо. – Неинтересно. Мужики, я такую книгу прочёл! Японский автор, Харуки Мураками, написал. «Страна чудес без тормозов». Там главный гер...

Дрон перестал раскачиваться и ударил кулаком по столу.

– Без тормозов? Ты чё, в мой огород бочку катишь?

– Дрон, не ори, ...!

Я прислушался к дыханию здания, и точно – внизу начался какой-то шум.

– Всё, – сказал я, – сейчас вас вытурят.

Джоджо поднялся с места, нервно теребя рукав плаща:

– Мы пойдём.

– Нет! – Дрон опять заорал, и я схватил уже подшитую папку и швырнул в него. Он увернулся, вильнув на стуле вбок, добавил тише: – Никуда я пойду!

– Ага. Дай мне папку.

Я сделал Джоджо знак садиться и продолжил работу. Тот продолжал стоять, по-идиотски изогнувшись, как в одноименном аниме, и сунув руки в карманы. Тогда я вручил ему нитку, которой полагалось всё это богатство сшивать, и Жижа (как мы его иногда называем) расслабился. Дрон молчал и даже почти не раскачивался на верном стуло-скакуне.

Шум приблизился. В пустом дверном проёме показался помощник Ильича.

– Иван! Слава Богу. Телефон заряжен?

Я достал мобилу и показал ему.

– Звони сто три. Директору плохо.

Потом нас и выставили. Я так и не понял, что случилось с директором кладбища. Видел, что все бросились ему помогать. Мы тоже побежали, но нас остановили, развернули и выпроводили пинком под зад. Сказали, будем мешаться.

То у моей мамы нога и рак, то теперь директор свалился посреди рабочего дня. Папа сказал бы, что боги невзлюбили нас.

Я позвонил маме, но она снова не брала трубку.

– Опять загуляла, – проворчал я, и мужики заржали.

Я вспомнил, что дома нет воды, попросился помыться. Джоджо промолчал: его родители нас сильно недолюбливали. Мы у них пару лет назад настоящий череп медведя кокнули, дорогой, наверное. Джоджо вину на себя взял, но они всё равно подозревали нас.

Дрон радостно хлопнул меня по плечу:

– Лохи, в старых домах живёте! Пойдём. Вкусишь ребро цивилизации.

– Плод, – поправил я Дрона.

– Короч, распробуешь!

Джоджо пошёл с нами. А что ему делать? Не домой же идти, в головомоечную.

Дверь открыла Сашка, сестра Дрона. На год младше его, и выглядит так, будто её удочерили. В смысле, вообще

на брата непохожа. Он тёмненький, она от природы светло-волосая, да ещё в синий красится. Он нормального роста, а она низенькая. Он ну нормальный такой, а её кормить хочется. В общем, девочка анимешной внешности.

Сашка открыла в одном халатике и тут же, увидев нас, убежала.

– Ванную не занимай, Иван мыться изволит! – заорал Дрон. Мы с Джоджо заржали.

Ванную она всё-таки заняла, и мы сели на кухне. Дрон поставил на плиту чайник. Я с уважением посмотрел на висевший над плитой газовый котёл: хорошо, когда не зависишь от подключений-отключений горячей воды! Дома всё само греется. Котёл-самогрейка, сказочная штука покруче самобранки.

Сашка вылетела из ванной через две минуты: в майке и шортах, а щёки красные, будто краситель туда втёрла. Подскочила к Дрону, вlepила ему по затылку, – совсем легонько, я б не заметил даже, а он, конечно, завопил.

– Надо предупреждать, Андрей, – пояснила Сашка и пошла к посудному шкафчику.

– Да кому ты нужна! – между непечатными словами орал Дрон. Сашка обернулась на нас, щёки запунцовели сильнее. Она сделала вид, что швыряет в брата кружкой и тут же застеснялась, начала посуду намывать. Я отправился под душ.

Дом новый, а по потолку трещины в ванной. Непорядок. У меня руки зачесались замазать их, и я крикнул Дрону, что-

бы тащил инструмент. Ответила за него почему-то Сашка.

– Мамочка управляющую компанию ждёт, чтобы они приехали и осмотрели, а то вдруг это что-то страшное?

Ждут так ждут. Хорошо, если дождутся.

Дрон дал мне свою одежду, так что выполз я из ванны свежий и благоухающий кондиционером. Украдкой глянул на полку с порошками, чтобы подсмотреть марку: запах мне понравился. Надо будет купить. А то у мамы не допросишься: ей некогда, видите ли.

Следующим в ванную потащился Джоджо, а мы с Дроном оккупировали балкон. Сашка принесла нам на подносе чай с печеньками, и я поблагодарил её.

– Выделяется, – буркнул Дрон вслед Сашке. – Было бы чему. Эй, сегодня у Демыча вписка, бутылка – вход. Пойдѐшь?

– Чѐ я там забыл?

– Там Криска будет.

– Сегодня... – я мучительно застучал костяшками пальцев по подоконнику. Дронычи жили в новой высотке, и отсюда город расстилался тридѐ-моделью. Нет, скорее – онлайн-картой: увеличь любой фрагмент, и там будут происходить все изменения: мухи летать, парочки ссориться и мириться, а где-то, может быть, даже удастся увидеть маму с хахалем. Во дворе на пледах сидела вокруг колонки, как вокруг костра, компания в возрасте: пили из пластмассовых стаканчиков и жрали бутики. Из колонки мѐртвый Цой пел

про давно протухшие перемены.

Нам нужно что-то поновее его перемен, вот что я думаю. Какие-то свои перемены. Или вообще никаких. Просто его перемены – это наша глубокая древность. Вот так.

Я посмотрел в сторону жилья Демыча.

– Не могу. Готовиться надо. И с матерью проблемы. Из-за них ничего не успеваю. Потом расскажу.

– А-а-а! – Дрон достал из кармана пачку, достал сигу, закурил. Жестом предложил мне, я покачал головой и вернулся в комнату за своими.

– А жалко, – продолжал Дрон. Из ванной вернулся Джоджо, подхватил сразу с пяток печенюх и устроился по левую руку от меня, пафосно закинув ногу на ногу. – Будешь ты теперь её до конца жизни провожать до дому!

Я кинул пачку. Она сверкнула метеором и упала в крону растущего ясеня, закачалась, заиграла на закате, как ёлочная игрушка.

– Сигаретами, Иван, стреляешь, – захихикал Джоджо.

– Вы не понимаете. Я бросил, – сказал я, указывая на пачку внизу.

Джоджо тоже взял свою пачку и швырнул. Она была легче, но всё равно долетела до ясеня, опустилась на его нижнюю ветвь.

– Украшаем к выпускному, – сквозь смех сказал я. – Дрон, ты с нами?

– Не, мне и так норм.

– Раком заболеешь, – сказал Джоджо и вдруг оживился: – Мужики, я тут такой сериал посмотрел! «Брекинг бэд», американский. Там главный гер раком...

– Встал? – Дрон заржал.

– Болен. Раком лёгких.

– Про больных смотреть – зашквар, – решительно сказал я, закрывая тему. В комнате сдавленно охнула Сашка.

Вскоре я уже шёл домой. Заглянул в гипермаркет за туалетной бумагой, но и полки были так же пусты. Точнее, была какая-то одна, но по цене трёх упаковок нормальной, и я отправился домой ни с чем.

Прошёл по сумрачным улицам, где хмурое небо над головой находило своё повторение в лужах и стёклах кое-как припаркованных машин.

А вот и дом.

Я поднял взгляд и встретился с темнотой наших окон.

Мама ещё не пришла. Празднует где-нибудь своё чудесное выздоровление, выпивает за благополучие Петровича, рассказывает в пятидесятый раз, как испугалась в кабинете врачей.

И правда, чё мы зассали? Наверняка врачи нашего колхоза опять напутали-перепутали. Они ж сами, чуть чё, к Петровичу бегают, а не в центр. Надо было повторные анализы просить. Хотя какая разница? Мама здорова, вернётся опять послезавтра.

А я почему должен идти домой, греть ужин, есть в одиночестве, когда где-то там вписка и Кристина? Почему?

Есть ли в этом мире справедливость?

Есть! Но строить её надо самому.

Я отвернулся от подъезда и зашагал обратно. Достал телефон и позвонил Дрону:

– Слышь, я тут внезапно освободился. Го к Димычу?

Дрон сначала ломался, как девка: нет да нет, щас Джоджо уйдёт, душ уже греется, ё-моё. Но я его быстро уговорил.

По дороге я зашёл в магаз и купил коньяк. Тут же, завернув в фирменный пакетик, отхлебнул из горла для храбрости.

Небо стало нежно-перламутровым, засияло, засверкало. Заискрились в траве крошечные жемчужинки росы, заставив меня вспомнить про греческую Зарю, которая на небе, а сама состоит из пены морской. Потому, говорят, и похожи капли на жемчужины, а не на слитки золота или огранённые бриллианты: потому что с неба Заря кидается этой водой.

Щёлкали и звенели птицы, соревнуясь, кто вычурнее воспоёт картину. Первенство было за соловьями. Я поднял голову и разглядел три пернатых тельца. Одно перескочило с ветки на ветку, и та тяжело закачалась.

Я сидел на своей куртке, накрывшись плащом Джоджо.

Иногда я высвобождал руку и тянул её к костру, напевая «Иль-ма-ре... мы ждём Ильмаре» на заевший в памяти мотив. Пламя с трудом боролось с сумраком, живя только тем, что заря уже показалась, и скоро должен был настать день. Рядом дрых на расстеленном плаще мокрый взъерошенный Дрон, а из кустов доносились звуки, сигнализирующие, что Джоджо хоть и стало лучше, но по-прежнему не фонтан. То есть, наоборот, фонтан.

Дрон резко поднялся на руках. Я ухмыльнулся и посоветовал ему:

– Спи уж, охотник...

Дрон посмотрел на светлое небо, покачнувшись, опустил голову, оглядел окружавшие нас берёзки и спросил:

– А где мы?

– А в лесу, – пошутил я.

Джоджо в кустах вырвало, и Дрон сел, глядя уже более осмысленно.

– Кто это рычит в кустах?!

Я засмеялся.

– Медведь-чернобурка!

В этот момент кусты затрещали. Дрон с воем подскочил на ноги, тут упал на задницу и стянул с ноги мокрый кроссовок. На полянке, надевая анимешную кепку, появился Джоджо, и засиял улыбкой:

– Ик! Проснулся!

Тут в Джоджо прилетел кроссовок: Дрон стопроцентно

попадал в цель даже в таком состоянии. Джоджо разразился бранью. Дрон заныл и затребовал кроссовок обратно. Никто его, конечно, не подал, и он допрыгал до своей обуви сам.

– А чё я такой мокрый? – поинтересовался Дрон, обуваясь. С первого раза завязать шнурки у него не вышло.

– И почему мы как бы не на вписке? – добавил Джоджо. Оба с интересом уставились на меня. Я продолжал греться у огонька, храня таинственное молчание.

Ну что сделаешь – алкоголь меня почти не берёт. Я помню всё и исполняю роль няньки для тех, у кого башня едет. Не очень-то весело, если задуматься.

Пусть помучаются.

– Иван! – заорал Дрон, и я сжалился.

– Потому что мы пришли туда, а Кристинка с другим. Нас она даже не заметила. Мы там потусили, прихватили бутылку и отправились гулять на наше кладбище. Ты, – я ткнул пальцем в Дрона, – прыгал с моста в Стикс. Тебе было жарко, ты купался. А тебя, – я ткнул пальцем в горделиво подбоченившегося Джоджо, – я успел схватить за ворот. Ты б его окончательно оторвал, а то выглядит укропочно.

Джоджо нерешительно подёргал висевший на сопле воротник.

– А в школу не пора?

Тут его скрутил спазм, и, изящно взмахнув рукой, Джо исчез в кустах.

– Не знаю. У меня мобила разрядилась, – сказал ему я

вслед. Дрон полез в рюкзак за временем и завопил:

– Ёп! Это что?!

Он достал оттуда зайца с торчавшей из тельца самодельной стрелой.

– Я думал, ты уже протрезвел, – удивился я. – Ты так уверенно рассказывал, какие ветки выбирать для стрел. Да и потом я тебя убеждал не запихивать его в рюкзак, но ты очень говорил, что мама будет рада мясу и шкурке, и пихал его туда...

– Из чего я его подстрелил?

– Из лука.

– Откуда, ..., лук?!

– Да хэээ. Когда мы шли на кладбище, он у тебя уже был.

Мб у Димыча стащил.

Дрон застонал.

– У меня теперь рюкзак в крови, – он отшвырнул зайца в кусты.

Тем временем Дрон докопался до дна рюкзака, достал телефон, отгёр его об траву. Жемчужинки росы сыпались и исчезали.

Андрей включил экран, прищурился.

– Сколько там?

– Ещё не в школу. Но скоро будет. Меня ж маманя убьёт...

Когда я выпиваю, во мне просыпается недобитый стендапер. Вот и сейчас, вместо того, чтобы уgomониться, я повернулся к кустам:

– Джоджо! Ты б там поосторожнее. Ильич рассказывал, что в священной роще у каждого есть своё дерево судьбы, типа душа. Наблюёшь на своё дерево – век не отмоешься. Или на мировое попадёшь, тоже так себе...

После минутной паузы Джоджо появился. Протянул руки за плащом, и я на всякий случай поинтересовался:

– Чё, домой? Не зальёшь потоками благодати?

– Уже нет, – и Джоджо объяснил Дрону: – Меня мои сожрут, если плащ запачкаю.

– А за рубашку нет, – проворчал Дрон. – Мажоры.

Спотыкаясь о насмешливо выставленные корни, мы побрели туда, где, как мне казалось, осталась цивилизованная часть кладбища.

Так мы и шли: Дрон бесился, пытаюсь вернуть воспоминания, Джоджо периодически отдавал мне плащ с кепкой и исчезал в кустах, я спрашивал у Дрона время каждые пять минут. В конце концов он завопил, что я его заколебал, и отдал мне телефон. Тут я, как самый гений, догадался включить геолокацию, и уже через двадцать минут мы вышли к забору, отделявшему рощу от цивилизации. Я перелез, открыл ворота своим ключом и впустил мужиков.

Ночью наш парк-музей «Кладбище» особенно красив. Силуэты домов Старого города, мощёные улочки, свет от уличных фонарей, танцующий в фонтане на площади, затаившиеся в тених деревья. Изредка прямо по улицам пробегает белка, лиса или наше любимое Чудовище. Идёшь – и словно всё

прошлое, которое было здесь, спрессовалось и осталось жить в таком причудливом виде.

Но и по утрам здесь ничего: по-прежнему стоит особая, вневременная тишина. Только небо заново обретает краски, начиная с розовой и зелёной. Дома под ним похожи на стариков, которые скорее унесут свои секреты с собой в могилу, чем расскажут кому-либо. Особенно деревянные: краска крошится, резные украшения трескаются, множат возрастные морщины. Правильно, кремов, как те, которыми мамка пользуется, только для зданий, ещё не придумали.

Чтобы не особенно бесить сторожей, мы вышли через ворота, смотревшие на мой дом. Дрон начал ныть, что не помнит, где его тазик. Я оставил Джоджо выслушивать его, а сам поднялся в квартиру.

Мамы там, конечно, не было. Вернулась бы она в такую рань, как же.

Я отправился в душ, совсем забыв, что горячей воды нет — и зашипел, когда тот встретил меня ледяным шквалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.